

И. А. БУНИНЪ
СНЫ ЧАНГА

A decorative flourish consisting of a thick horizontal line with ornate, symmetrical scrollwork and floral motifs extending downwards from its center.

Е все-ли равно, про кого говорить? Заслуживаетъ того каждый изъ жившихъ и живущихъ на землѣ.

Нѣкогда Чангъ узналъ мѣрь и капитана, своего хозяина, съ которымъ соединилось его земное существованіе. И прошло съ тѣхъ поръ цѣлыхъ шесть лѣтъ, протекло, какъ песокъ въ корабельныхъ песочныхъ часахъ.

Вотъ опять была ночь — сонъ или дѣйствительность? — и опять наступаетъ утро — дѣйствительность или сонъ? Чангъ старъ, Чангъ пьяница — онъ все дремлетъ.

На дворѣ, въ городѣ Одессѣ, зима. Погода злая, мрачная, много хуже той, китайской, когда Чангъ съ капитаномъ встрѣтили другъ друга. Несетъ острымъ мелкимъ снѣгомъ, снѣгъ косо летитъ по ледяному, скользкому асфальту пустого приморскаго бульвара и больно сѣчетъ въ лицо каждому еврею, что, засунувши руки въ карманы и сгорбившись, неумѣло, по-еврейски бѣжитъ направо или налево. За гаванью, тоже опустѣвшей, за туманнымъ отъ снѣга заливомъ, слабо видны голые степные берега. Молъ весь дымится густымъ сѣрымъ дымомъ: море съ утра до вечера переваливается черезъ молъ пѣнистыми чревами. Вѣтеръ звонко свищетъ въ телефонныхъ проволокахъ...

Въ такіе дни жизнь въ городѣ начинается не рано. Не рано просыпаются и Чангъ съ капитаномъ. Шесть лѣтъ — много это или мало? За шесть лѣтъ Чангъ съ капитаномъ стали ста-

риками, хотя капитану еще и сорока нѣтъ, и судьба ихъ грубо перемѣнилась. По морямъ они уже не плаваютъ — живутъ «на берегу», какъ говорятъ моряки, и не тамъ, гдѣ жили когда-то, а въ узкой и довольно мрачной улицѣ, на чердакѣ пятиэтажнаго дома, пахнущаго каменнымъ углемъ, населеннаго евреями, изъ тѣхъ, что въ семью приходятъ только къ вечеру и ужинаютъ въ шляпахъ на затылокъ. Потолокъ у Чанга съ капитаномъ низкій, комната большая и холодная. Въ ней всегда кромѣ того сумрачно: два окна, пробитыя въ наклонной стѣнѣ-крышѣ, невелики и круглы, напоминаютъ корабельныя. Между окнами стоитъ что-то вроде комода, а у стѣны налѣво старая желѣзная кровать: вотъ и все убранство этого скучнаго жилища, если не считать камина, изъ котораго всегда дуетъ свѣжимъ вѣтромъ.

• Чангъ спитъ въ уголкѣ за каминомъ. Капитанъ на кровати. Какова эта чуть не до полу продавленная кровать и каковъ матрацъ на ней, легко представить себѣ всякій, живавшій на чердакахъ, а нечистая подушка такъ жидка, что капитану приходится подкладывать подъ нее свою тужурку. Однако, и на этой кровати спитъ капитанъ очень спокойно, лежитъ, — на спинѣ, съ закрытыми глазами и сѣрымъ лицомъ, — неподвижно, какъ мертвый. Что за чудесная кровать была у него прежде! Ладная, высокая, съ ящиками, съ постелью глубокой и уютной, съ тонкими и скользкими простынями и охлаждающими бѣлоснѣжными подушками! Но и тогда, даже въ качку, не спалъ капитанъ такъ крѣпко, какъ теперь: за день онъ сильно устаетъ, да и о чемъ ему теперь тревожиться, что онъ можетъ проспять и чѣмъ можетъ обрадовать его новый день? Было когда-то двѣ правды на свѣтѣ, постоянно смѣнявшихъ другъ друга: первая та, что жизнь несказанно прекрасна, а другая — что жизнь мыслима лишь для сумасшедшихъ. Теперь капитанъ утверждаетъ, что есть, была и во вѣки вѣковъ будетъ только одна правда, послѣдняя, правда еврея Іова, правда мудреца изъ невѣдомаго племени, Экклесіаста. Часто говоритъ теперь капитанъ, сидя въ пивной: «Помни, человекъ, съ юности твоей тѣ тяжелые дни и годы, о коихъ ты будешь говорить: нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ!» — Все-же дни и ночи попрежнему существуютъ, и вотъ

опять была ночь и опять наступает утро. И капитанъ съ Чангомъ просыпаются.

Но, проснувшись, капитанъ не измѣняетъ позы и не открываетъ глазъ. Что онъ въ эту минуту думаетъ, не знаетъ даже Чангъ, лежащій на полу возлѣ нетопленнаго камина, изъ котораго всю ночь пахло морской свѣжестью. Чангу извѣстно только одно: то, что капитанъ пролежитъ такъ не менѣе часа. Чангъ, поглядѣвъ на капитана уголкомъ глаза, снова смыкаетъ вѣки и снова задремываетъ. Чангъ тоже пьяница, онъ тоже по утрамъ мутень, слабъ и чувствуетъ мѣръ съ тѣмъ томнымъ отвращеніемъ, которое такъ знакомо всѣмъ плавающимъ на корабляхъ и страдающимъ морской болѣзною. И потому, задремывая въ этотъ утренній часъ, Чангъ видитъ сонъ томительный, скучный...

Видитъ онъ:

Поднялся на палубу парохода старый, кислоглазый китаецъ, опустил на корячки, сталъ скулить, упрашивать всѣхъ проходящихъ мимо, чтобы купили у него плетушку тухлыхъ рыбокъ, которую онъ принесъ съ собою. Былъ пыльный и холодный день на широкой китайской рѣкѣ. Въ лодкѣ подъ камышевымъ парусомъ, качавшейся на рѣчной мути, сидѣлъ щенокъ, — рыжая собачка, имѣвшая въ себѣ нѣчто лисье и волчье, съ густымъ жесткимъ мѣхомъ вокругъ шеи, — строго и умно водилъ черными глазами по высокой желѣзной стѣнѣ парходнаго бока и торчкомъ держалъ уши.

— Продай лучше собаку! — весело и громко, какъ глухому, крикнулъ китаецу молодой капитанъ парохода, безъ дѣла стоявшій на своей вышкѣ.

Китаецъ, первый хозяинъ Чанга, вскинулъ глаза кверху, оторопѣлъ и отъ крика и отъ радости, сталъ кланяться и цокать: «Ve'у good dog, ve'у good!» — И щенка купили, — всего за цѣлковый, — назвали Чангомъ, и поплылъ онъ въ тотъ же день со своимъ новымъ хозяиномъ въ Россію и вначалѣ, цѣлыхъ три недѣли, такъ мучился морской болѣзною, былъ въ такомъ дурманѣ, что даже ничего не видѣлъ: ни океана, ни Сингапура, ни Коломбо...

Въ Китаѣ начиналась осень, погода была трудная. И стало мутить Чанга, едва вышли въ устье. Навстрѣчу несло дождемъ, мглою, сверкали по водной равнинѣ барашки, качалась, бѣжала, всплескивалась сѣро-зеленая зыбь, острая и безтолковая, а плоскія побережья расходились, терялись въ туманѣ — и все больше, больше становилось воды вокругъ. Чангъ, въ своей серебрившейся отъ дождя шубкѣ, и капитанъ, въ непромокаемомъ пальто съ поднятымъ капюшономъ, были на мостикѣ, высота котораго чувствовалась теперь еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Капитанъ командовалъ, а Чангъ дрожалъ и воротилъ отъ вѣтра морду. Вода ширилась, охватывала ненастные горизонты, мѣшалась съ мгlistымъ небомъ. Вѣтеръ рвалъ съ крупной шумной зыби брызги, налеталъ откуда попало, свисталъ въ реяхъ и гулко хлопалъ внизу парусиновыми тентами, межъ тѣмъ какъ матросы, въ кованыхъ сапогахъ и мокрыхъ накидкахъ, отвязывали, ловили и скатывали ихъ. Вѣтеръ искалъ, откуда бы покрѣпче ударить, и какъ только пароходъ, медленно ему кланявшійся, взялъ покруче вправо, поднималъ его такимъ большимъ, кипучимъ валомъ, что онъ не удержался, рухнулъ съ переката вала, зарываясь въ пѣну, а въ штурманской рубкѣ съ дребезгомъ и звономъ полетѣла на полъ кофейная чашка, забытая на столикѣ лакеемъ... И съ этой минуты пошла музыка!

Дни потомъ были всякіе: то огнемъ жгло съ сіяющей лазури солнце, то горами громоздились и раскатывались ужащающимъ громомъ тучи, то потопами обрушивались на пароходъ и на море буйные ливни; но качало, качало непрерывно, даже и во время стоянокъ. Въ конецъ замученный, ни разу за цѣлыхъ три недѣли не покинулъ Чангъ своего угла въ жаркомъ полутемномъ корридорѣ среди пустыхъ каютъ второго класса, на ютѣ, возлѣ высокаго порога двери на палубу, отворявшейся только разъ въ сутки, когда вѣстовой капитана приносилъ Чангу пищу. И отъ всего пути до Краснаго моря остались въ памяти Чанга только тяжкіе скрипы переборокъ, дурнота и замираніе сердца, то летѣвшаго вмѣстѣ съ дрожащей кормой куда-то въ пропасть, то возносившагося въ небо, да

колючій, смертный ужасъ, когда объ эту высоко поднятую и вдругъ снова завалившуюся на-сторону корму, грохочущую винтомъ въ воздухѣ, съ пушечнымъ выстрѣломъ расшибалась цѣлая водяная гора, гасившая дневной свѣтъ въ иллюминаторахъ и потомъ стекавшая по ихъ толстымъ стекламъ мутными потоками. Слышалъ больной Чангъ далекіе командные крики, гремучіе свистки боцмана, топотъ матросскихъ ногъ гдѣ-то надъ головой, слышалъ плескъ и шумъ воды, различалъ полузакрытыми глазами полутемный корридоръ, загроможденный рогожными тюками чая, — и шалѣлъ, пьянѣлъ отъ тошноты, жары и крѣпкаго чайнаго запаха...

Но тутъ сонъ Чанга обрывается.

Чангъ вздрагиваетъ и открываетъ глаза: это уже не волна съ пушечнымъ выстрѣломъ ударила въ корму — это грохнула гдѣ-то внизу дверь, съ размаху кѣмъ-то брошенная. И вслѣдъ за этимъ громко откашливается и медленно встаетъ со своего вдавленнаго одра капитанъ. Онъ натягиваетъ на ноги и зашнуровываетъ разбитые башмаки, надѣваетъ вынутую изъ-подъ подушки черную тужурку съ золотыми пуговицами и идетъ къ камину, межъ тѣмъ какъ Чангъ, въ своей рыжей поношенной шубкѣ, недовольно, съ визгомъ зѣваетъ, поднявшись съ пола. На комодѣ стоитъ начатая бутылка водки. Капитанъ пьетъ прямо изъ горлышка и, слегка задохнувшись и отдуваясь въ усы, направляется въ камину, наливаетъ въ плошку, стоящую возлѣ него, водки и для Чанга. Чангъ жадно начинаетъ локать. А капитанъ закуриваетъ и снова ложится — ждать того часа, когда совсѣмъ ободняется. Уже слышенъ отдаленный гулъ трамвая, уже льется далеко внизу, на улицѣ, непрерывное цоканье копытъ по мостовой, но выходить еще рано. И капитанъ лежитъ и курить. Кончивъ локать, ложится и Чангъ. Онъ вскакиваетъ на кровать, свертывается клубкомъ у ногъ капитана и медленно wpłyваетъ въ то блаженное состояніе, которое всегда даетъ водка. Полузакрытые глаза его туманятся, онъ слабо глядитъ на хозяина и, чувствуя все возрастающую нѣжность къ нему, думаетъ то, что можно выразить по-человѣчески такъ: «Ахъ, глупый, глупый! Есть только одна

правда на свѣтѣ, и если бы ты зналъ, какая эта чудесная правда!» И опять не то снится, не то думается Чангу то далекое утро, когда, послѣ мучительнаго, безпокойнаго океана, вошелъ пароходъ, плывшій изъ Китая съ капитаномъ и Чангомъ, въ Красное море...

Снится ему:

Проходя Перимъ, все медленно, точно баюкая, размахивался пароходъ, и впалъ Чангъ въ сладкій и глубокій сонъ. И вдругъ очнулся. И очнувшись, изумился выше всякой мѣры: вездѣ было тихо, мѣрно дрожала и никуда не падала корма, ровно шумѣла вода, бѣжавшая гдѣ-то за стѣнами, теплый кухонный запахъ, тянувшій изъ-подъ двери на палубу, былъ очарователенъ... Чангъ привсталъ и поглядѣлъ въ пустую каютъ-компанію: тамъ, въ сумракѣ, мягко свѣтилось что-то золотисто-лиловое, что-то едва уловимое глазомъ, но необыкновенно радостное—тамъ, въ солнечно-голубую пустоту, на просторъ, на воздухъ, были открыты задніе иллюминаторы, а по низкому потолку струились, текли и не утекали извилистые зеркальные ручки... И случилось съ Чангомъ то же, что не разъ случалось въ тѣ времена и съ его хозяиномъ, капитаномъ: онъ вдругъ понялъ, что существуетъ въ мірѣ не одна, а двѣ правды,—одна та, что жить на свѣтѣ и плавать ужасно, а другая... Но о другой Чангъ не успѣлъ додумать: въ неожиданно распахнувшуюся дверь онъ увидѣлъ трапъ на спардэкъ, черную, блестящую громаду паровой трубы, ясное небо лѣтняго утра и быстро идущаго изъ-подъ трапа, изъ машиннаго отдѣленія, капитана, размытаго и выбритаго, благоухающаго свѣжестью одеколона, съ поднятыми по-нѣмецки русыми усами, съ сіяющимъ взглядомъ зоркихъ свѣтлыхъ глазъ, во всемъ тугомъ и бѣлоснѣжномъ. И увидѣвъ все это, Чангъ такъ радостно рванулся впередъ, что капитанъ на-лету подхватилъ его, чмокнулъ въ голову и, повернувъ назадъ, въ три прыжка выскочилъ, на рукахъ съ нимъ, на спардэкъ, на верхнюю палубу, а оттуда еще выше, на тотъ самый мостикъ, гдѣ такъ страшно было въ устьѣ великой китайской рѣки.

На мостикѣ капитанъ вошелъ въ штурманскую рубку, а Чангъ, брошенный на полъ, немного посидѣлъ, трубой распу-

шивъ по гладкимъ доскамъ свой лисій хвостъ. Сзади Чанга было очень горячо и свѣтло отъ невысокаго солнца. Горячо, должно быть, было и въ Аравіи, близко проходившей справа своимъ золотымъ побережьемъ и своими черно-коричневыми горами, своими пиками, похожими на горы мертвой планеты, тоже глубоко засыпанными сухимъ золотомъ,—всею своею песчаногористой пустыней, видной необыкновенно четко, такъ, что, казалось, туда можно перепрыгнуть. А наверху, на мостикѣ, еще чувствовалось утро, еще тянуло легкой свѣжестью, и бодро гулялъ взадъ и впередъ помощникъ капитана,—тотъ самый, что потомъ такъ часто до бѣшенства доводилъ Чанга, дуя ему въ ноздрю,—человѣкъ въ бѣлой одеждѣ, въ бѣломъ шлемѣ и въ страшныхъ черныхъ очкахъ, все поглядывавшій на поднебесное острие передней мачты, надъ которой бѣлымъ страусовымъ перомъ курчавилось тончайшее облачко... Потомъ капитанъ крикнулъ изъ рубки: „Чангъ! Кофе пить!“ И Чангъ тотчасъ вскочилъ, обѣжалъ рубку и ловко сигнулъ черезъ ея мѣдный порогъ. И за порогомъ оказалось еще лучше, чѣмъ на мостикѣ: тамъ былъ широкій кожаный диванъ, придѣланный къ стѣнѣ, надъ нимъ висѣли какія-то блестящія стекломъ и стрѣлками штуки вроде круглыхъ стѣнныхъ часовъ, а на полу стояла полоскательница съ бурдой изъ сладкаго молока и хлѣба. Чангъ сталъ жадно локать, а капитанъ занялся дѣломъ: онъ развернулъ на стойкѣ, помѣщавшейся подъ окномъ противъ дивана, большую морскую карту и, положивъ на нее линейку, твердо прорѣзалъ алыми чернилами длинную полоску. Чангъ, кончивъ локать, съ молокомъ на усахъ, подпрыгнулъ и сѣлъ на стойкѣ возлѣ самаго окна, за которымъ синѣла отложнымъ воротомъ просторная рубаха матроса, стоявшаго спиной къ окну передъ колесомъ съ рогами. И тутъ капитанъ, который, какъ оказалось впоследствии, очень любилъ поговорить, будучи наединѣ съ Чангомъ, сказалъ Чангу:

— Видишь, братецъ, вотъ это и есть Красное море. Надо намъ съ тобой пройти его поумнѣе,—ишь, какое оно пестрое,—надо мнѣ тебя доставить въ Одессу въ полной сохранности, потому что тамъ уже знаютъ о твоёмъ существованіи. Я уже

проболтался про тебя одной прекапризной дѣвчонкѣ, похвастался передъ ней твоей милостью по такому, понимаешь-ли, длинному канату, что проложенъ умными людьми на днѣ всѣхъ морей-океановъ... Я, Чангъ, все-таки ужасно счастливый человѣкъ, такой счастливый, что ты даже и представить себѣ не можешь, и потому мнѣ ужасно не хочется напоротся на какой-нибудь изъ этихъ рифовъ, осрамиться до девятой пуговицы на своемъ первомъ дальнемъ рейсѣ...

И говоря такъ, капитанъ вдругъ строго глянулъ на Чанга и далъ ему пощечину:

— Лапы прочь!—крикнулъ онъ начальственно.—Не смѣй лѣзть на казенное добро!

И Чангъ, мотнувъ головой, зарычалъ и зажмурился. Это была первая пощечина, полученная имъ, и онъ обидѣлся, ему опять показалось, что жить на свѣтѣ и плавать—скверно. Онъ отвернулся, гася и сокращая свои прозрачно-желтые глаза, и съ тихимъ рычаніемъ оскалилъ свои волчьи зубы. Но капитанъ не придалъ значенія его обидѣ. Онъ закурилъ папиросу и вернулся на диванъ, вынулъ изъ бокового кармана пикейной куртки золотые часы, отколупнулъ крѣпкимъ ногтемъ ихъ крышки и, глядя на что-то сіяющее, необыкновенно живое, торопливое, что бѣжало и звонко шептало внутри часовъ, опять заговорилъ дружески. Онъ опять сталъ рассказывать Чангу о томъ, что онъ везетъ его въ Одессу, на Елисаветинскую улицу, что на Елисаветинской улицѣ есть у него, у капитана, во-первыхъ, квартира, во-вторыхъ, красавица-жена и, въ третьихъ, чудесная дочка, и что онъ, капитанъ, все-таки очень счастливый человѣкъ.

— Все-таки, Чангъ, счастливый! — сказалъ капитанъ, а потомъ прибавилъ:

— Дочка эта самая, Чангъ, дѣвочка рѣзвая, любопытная, настойчивая, — плохо тебѣ будетъ временами, особливо твоему хвосту! Но если бы ты зналъ, Чангъ, что это за прелестное существо! Я, братецъ, такъ люблю ее, что даже боюсь своей любви: для меня весь міръ только въ ней, — ну, скажемъ, почти въ ней, — а развѣ такъ полагается? Да и вообще, слѣдуетъ-ли кого-нибудь любить такъ сильно? — спросилъ онъ.

— Развѣ глупѣе насъ съ тобой были всѣ эти ваши Будды, а послушай-ка что они говорятъ объ этой любви къ міру и вообще ко всему тѣлесному — отъ солнечнаго свѣта, отъ волны, отъ воздуха и до женщины, до ребенка, до запаха бѣлой акаціи! Или: знаешь-ли ты, что такое Тао, выдуманное вами же, китайцами? Я, братъ, самъ плохо знаю, да и всѣ плохо знаютъ это, но, насколько можно понять, вѣдь это что такое? Бездна-Праматерь, она же родить и поглощаетъ и, поглощая, снова родить все сущее въ мірѣ, а иначе сказать — тотъ Путь всего сущаго, коему не должно противиться ничто сущее. А вѣдь мы поминутно противимся ему, поминутно хотимъ повернуть не только, скажемъ, душу любимой женщины, но и весь міръ по-своему! Жутко жить на свѣтѣ, Чангъ, — сказалъ капитанъ, — очень хорошо, а жутко, и особенно такимъ, какъ я! Ужъ очень я жадею до счастья и ужъ очень часто сбиваюсь: темень и золь этотъ Путь, или же совсѣмъ, совсѣмъ напротивъ?

И, помолчавъ, еще прибавилъ:

— Главная штука вѣдь въ чемъ? Когда кого любишь, никакими силами никто не заставитъ тебя вѣрить, что можетъ не любить тебя тотъ, кого ты любишь. И вотъ тутъ-то, Чангъ, и зарыта собака. А какъ великолѣпна жизнь, Боже мой, какъ великолѣпна!

Накаляемый уже высоко поднявшимся солнцемъ и чуть дрожащій на бѣгу пароходъ неустанно разрѣзалъ заштильвшее въ безднѣ знойнаго воздушнаго пространства Красное море. Свѣтлая пустота тропическаго неба глядѣла въ дверь рубки. Близился полдень, мѣдный порогъ такъ и горѣлъ на солнцѣ. Стекловидные валы все медлительнѣе перекатывались за бортомъ, вспыхивая ослѣпительнымъ блескомъ и озаряя рубку. Чангъ сидѣлъ на диванѣ, слушая капитана. Капитанъ, гладившій голову Чанга, спихнулъ его на полъ — «нѣтъ, братъ, жарко!» — сказалъ онъ, — но на этотъ разъ Чангъ не обидѣлся: слишкомъ хорошо было жить на свѣтѣ въ этотъ радостный полдень. А потомъ...

Но тутъ опять прерывается сонъ Чанга.

— Чангъ, идемъ! — говоритъ капитанъ, сбрасывая ноги съ кровати. И опять съ удивленіемъ видитъ Чангъ, что онъ не

на пароходѣ въ Красномъ морѣ, а на чердакѣ въ Одессѣ, и что на дворѣ и впрямь поллень, только не радостный, а темный, скучный, непріязненный. И тихо рычитъ на капитана, потревожившаго его. Но капитанъ, не обращая на него вниманія, надѣваетъ старый форменный картузь и такое же пальто и, запустивъ руки въ карманы и сгорбившись, идетъ къ двери. Поневоля приходится и Чангу спрыгивать съ кровати. По лѣстницѣ капитанъ спускается тяжело и неохотно, точно въ силу нудной необходимости. Чангъ катится довольно быстро: его бодритъ еще неулегшееся раздраженіе, которымъ всегда кончается блаженное состояніе послѣ водки...

Да, вотъ уже два года, изо дня въ день, занимаются Чангъ съ капитаномъ тѣмъ, что ходятъ по ресторанамъ. Тамъ они пьютъ, закусываютъ, глядятъ на другихъ пьяницъ, пьющихъ и закусывающихъ рядомъ съ ними, среди шума, табачнаго дыма и всякаго зловонія. Чангъ лежитъ у ногъ капитана, на полу. А капитанъ сидитъ и куритъ, крѣпко положивъ, по своей морской привычкѣ, локти на столъ, ждетъ того часа, когда надо будетъ, по какому-то имъ самимъ выдуманному закону, переключать въ другой ресторанъ или кофейню: завтракаютъ Чангъ съ капитаномъ въ одномъ мѣстѣ, кофе пьютъ въ другомъ, обѣдаютъ въ третьемъ, ужинаютъ въ четвертомъ. Обычно капитанъ молчитъ. Но бываетъ, что встрѣчается капитанъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ прежнихъ друзей, и тогда весь день говоритъ безъ умолку о ничтожествѣ жизни и поминутно угощаетъ виномъ то себя, то собесѣдника, то Чанга, передъ которымъ всегда стоитъ на полу какая-нибудь посудинка. Именно такъ проведутъ они и нынѣшній день: нынче они условились позавтракать съ однимъ старымъ пріятелемъ капитана, съ художникомъ въ цилиндрѣ. А это значитъ, что будутъ они сидѣть сперва въ вонючей пивной, среди краснолицыхъ нѣмцевъ, — людей тупыхъ, дѣльныхъ, работающихъ съ утра до вечера съ тою цѣлью, конечно, чтобы пить, ѣсть, снова работать и плодить себѣ подобныхъ, — потомъ пойдутъ въ кофейню, биткомъ набитую греками и евреями, вся жизнь которыхъ, тоже бессмысленная, но очень тревожная, поглощена непрестаннымъ ожида-

ніемъ биржевыхъ слуховъ, а изъ кофейни отправятся въ ресторанъ, куда стекается всякое человѣческое отребье, — и просидятъ тамъ до поздней ночи...

Зимній день коротокъ, а за бутылкой вина, за бесѣдой съ пріятелемъ онъ еще короче. И вотъ уже побывали Чангъ, капитанъ и художникъ и въ пивной, и въ кофейнѣ и шестой часъ сидятъ, пьютъ въ ресторанѣ. И опять капитанъ, положивъ локти на столъ, горячо увѣряетъ художника, что есть только одна правда на свѣтѣ, — злая и низкая. — Ты посмотри кругомъ, говоритъ онъ, ты только вспомни всѣхъ тѣхъ, что ежедневно видимъ мы съ тобой въ пивной, въ кофейнѣ, на улицѣ! Другъ мой, я видѣлъ весь земной шаръ — жизнь вездѣ такова! Все это ложь и вздоръ, чѣмъ будто бы живутъ люди: нѣтъ у нихъ ни Бога, ни совѣсти, ни разумной цѣли существованія, ни любви, ни дружбы, ни честности, — нѣтъ даже простой жалости. Жизнь скучный, зимній день въ грязномъ кабакѣ, не болѣе...

И Чангъ, лежа подъ столомъ, слушаетъ все это въ туманѣ хмѣля, въ которомъ уже нѣтъ болѣе возбужденія. Соглашается онъ или не соглашается съ капитаномъ? На это нельзя отвѣтить опредѣленно, но разъ ужъ нельзя, значить, дѣло плохо. Чангъ не знаетъ, не понимаетъ, правъ-ли капитанъ; да вѣдь всѣ мы говоримъ: «не знаю, не понимаю» только въ печали: въ радости всякое живое существо увѣрено, что оно все знаетъ, все понимаетъ... Но вдругъ точно солнечный свѣтъ прорѣзываетъ этотъ туманъ: вдругъ раздается стукъ палочки по пюпитру на эстрадѣ ресторана — и запѣваетъ скрипка, за ней другая, третья... Онѣ поютъ все страстнѣй, все звончѣе — и черезъ минуту переполняется душа Чанга совсѣмъ иной тоской, совсѣмъ иной печалью. Она дрожитъ отъ непонятнаго восторга, отъ какой-то сладкой муки, отъ жажды чего-то — и уже не разбираетъ Чангъ, во снѣ онъ или на-яву. Онъ всѣмъ существомъ своимъ отдается музыкѣ, покорно слѣдуетъ за ней въ какой-то иной міръ — и снова видитъ себя на порогѣ этого прекраснаго міра, неразумнымъ, доврчивымъ къ міру, щенкомъ на пароходѣ въ Красномъ морѣ...

— Да, такъ какъ это было? — не то снится, не то думается

ему.—Да, помню: хорошо было жить въ жаркѣй полдень въ Красномъ морѣ! Чангъ съ капитаномъ сидѣли въ рубкѣ, потомъ стѣяли на мостикѣ... О, сколько было свѣта, блеска, синевы, лазури! Какъ удивительно цвѣтисты были на фонѣ неба всѣ эти бѣлыя, красныя и желтыя рубахи матросовъ, съ растопыренными руками развѣшенныя на носу! А потомъ Чангъ съ капитаномъ и прочими моряками, у которыхъ лица были кирпичныя, глаза маслянистыя, а лбы бѣлые и потныя, завтракалъ въ жаркой каютѣ-компаніи перваго класса, подъ жужжащимъ и дующимъ изъ угла электрическимъ вентиляторомъ, послѣ завтрака вздремнулъ немного, послѣ чая обѣдалъ, а послѣ обѣда опять сидѣлъ наверху, передъ штурманской рубкой,—гдѣ лакей поставилъ для капитана полотняное кресло,—и смотрѣлъ далеко за море, на закатъ, нѣжно зеленѣвшій въ разноцвѣтныхъ и разноформенныхъ тучкахъ, на винно-красное, лишенное лучей солнце, которое, коснувшись мутнаго горизонта, вдругъ вытянулось и стало похоже на темно-огненную митру... Быстро бѣжалъ пароходъ вдогонку за нимъ, такъ и мелькали за бортомъ гладкіе водяные горбы, отливавшіе синелиловой шагренью, но солнце спѣшило, спѣшило,—море точно вытягивало его,—и все уменьшалось да уменьшалось, стало длиннымъ раскаленнымъ углемъ, задрожало и потухло, а какъ только потухло, сразу пала на весь міръ тѣнь какой-то печали, и сильнѣй заволновался все крѣпчавшій къ ночи вѣтеръ. Капитанъ, глядя на темное пламя заката, сидѣлъ съ раскрытой головою, съ колеблющимися отъ вѣтра волосами, и лицо его было задумчиво, гордо и грустно, и чувствовалось, что все-таки онъ счастливъ, и что не только весь этотъ бѣгущій по его волѣ пароходъ, но и цѣлый міръ въ его власти, потому что весь міръ былъ въ его душѣ въ эту минуту—и потому еще, что и тогда уже пахло виномъ отъ него...

Ночь же настала страшная и великолѣпная. Она была черная, тревожная, съ беспорядочнымъ вѣтромъ и съ такимъ полнымъ свѣтомъ шумно взметывавшихся вокругъ парохода волнъ, что порою Чангъ, бѣгавшій за быстро и безостановочно гулявшимъ по палубѣ капитаномъ, съ визгомъ отскакивалъ отъ

борта. И капитанъ опять взялъ Чанга на руки и, приложивъ щеку къ его бьющемуся сердцу,—вѣдь оно билось совершенно такъ же, какъ и у капитана!—прошелъ съ нимъ въ самый конецъ палубы, на ютъ, и долго стоялъ тамъ въ темнотѣ, очаровывая Чанга дивнымъ и ужаснымъ зрѣлищемъ: изъ-подъ высокой, громадной кормы, изъ-подъ глухо бушующаго винта, съ сухимъ шорохомъ сыпались мириады бѣло-огненныхъ иглъ, вырывались и тотчасъ-же уносились въ снѣжную искристую дорогу, прокладываемую пароходомъ, то огромныя голубыя звѣзды, то какіе-то тугіе синіе клубы, которые ярко разрывались и, угасая, таинственно дымились внутри кипящихъ водяныхъ бугровъ блѣдно-зеленымъ фосфоромъ. Вѣтеръ съ разныхъ сторонъ, сильно и мягко билъ изъ темноты въ морду Чанга, раздувалъ и охлаждалъ густой мѣхъ на его груди, и, крѣпко, родственно прижимаясь къ капитану, обонялъ Чангъ запахъ какъ-бы холодной сѣры, дышалъ взрытой утробой морскихъ глубинъ, а корма дрожала, ее опускало и поднимало какой-то великой и несказанно свободной силой, и онъ качался, качался, возбужденно созерцая эту слѣпую и темную, но сто-кратъ живую, глухо бунтующую Бездну. И порой какая-нибудь особенно шальная и тяжелая волна, съ шумомъ пролетавшая мимо кормы, жутко озаряла руки и серебряную одежду капитана...

Въ эту ночь капитанъ въ первый разъ привелъ Чанга въ свою каюту, большую и уютную, мягко освѣщенную лампой подъ краснымъ шелковымъ абажуромъ. На письменномъ столѣ, плотно умѣстившемся возлѣ капитанской кровати, стояли тамъ, въ тѣни и свѣтѣ лампы, двѣ длинныхъ узкихъ рамки, два фотографическихъ портрета: хорошенькая сердитая дѣвочка въ локонахъ, капризно и вольно сидѣвшая въ глубокомъ креслѣ, и молодая дама, изображенная почти во весь ростъ, съ кружевнымъ бѣлымъ зонтикомъ на плечѣ, въ кружевной большой шляпкѣ и въ нарядномъ весеннемъ платьѣ, — стройная, тонкая, прелестная и печальная, какъ грузинская царица. И капитанъ сказалъ, раздѣваясь подъ шумъ черныхъ волнъ за открытымъ окномъ:

— Не будетъ, Чангъ, любить насъ съ тобой эта женщина! Есть, братъ, женскія души, которыя вѣчно томятся какой-то печальной жаждой любви и которыя отъ этого отъ самаго никогда и никого не любятъ. Есть такія — и какъ судить ихъ за всю ихъ безсердечность, лживость, мечты о сценѣ, о собственномъ автомобилѣ, о пикникахъ на яхтахъ, о какомъ-нибудь спортсменѣ, притворяющемся англичаниномъ, раздирающемъ свои сальные отъ фиксауара волосы на прямой рядъ? Кто ихъ разгадаетъ? Всякому свое, Чангъ, и не слѣдуютъ-ли онѣ сокровеннѣйшимъ вѣдѣніямъ самой Тао, какъ слѣдуетъ имъ какая-нибудь морская тварь, вольно ходящая вотъ въ этихъ черныхъ, огненно-панцырныхъ волнахъ?

— У-у!—сказалъ капитанъ, садясь на стулъ, мотая головой и развязывая шнурки бѣлаго башмака:—Что только было со мной, Чангъ, когда я въ первый разъ почувствовалъ, что она уже не совсѣмъ моя,—въ ту ночь, когда она въ первый разъ одна была на яхтъ-клубскомъ балу и вернулась подъ утро, точно поблекшая роза, блѣдная отъ усталости и еще неулегшагося возбужденія, съ глазами сплошь темными, расширенными и далекими отъ меня! Если-бы ты зналъ, какъ неподражаемо хотѣла она одурачить меня, съ какимъ простымъ удивленіемъ спросила: «А ты еще не спишь, бѣдный?» Тутъ я даже слова не могъ выговорить, и она сразу поняла меня и смолкла,—только быстро взглянула на меня,—и молча стала раздѣваться. Я хотѣлъ убить ее, но она сухо и спокойно сказала: «помоги мнѣ разстегнуть сзади платье»—и я покорно подошелъ и сталъ дрожащими руками отстегивать эти крючки и кнопки—и какъ только увидѣлъ въ раскрывшееся платье ея тѣло, ея междуплечье и сорочку, спущенную съ плечъ и засунутую за корсетъ, какъ только услышалъ запахъ ея черныхъ волосъ и взглянулъ въ освѣщенное трюмо, отражавшее ея груди, поднятыя корсетомъ...

И, не договоривъ, капитанъ махнулъ рукой.

Онъ раздѣлся, легъ и погасилъ огонь, и Чангъ, перевертываясь и укладываясь въ сафьянномъ креслѣ возлѣ письменнаго стола, видѣлъ, какъ бороздили черную плащаницу моря

вспыхивающія и гаснущія полосы бѣлаго пламени, какъ по черному горизонту зловѣще мелькали какіе-то огни, какъ оттуда прибѣгала порою и съ грознымъ шумомъ выростала выше борта и заглядывала въ каюту страшная живая волна, — точно какой-то сказочный змѣй, весь насквозь свѣтившійся самоцвѣтными глазами, прозрачными изумрудами и сапфирами, — и какъ пароходъ отталкивалъ ее прочь и ровно бѣжалъ дальше, среди тяжелыхъ и зыбкихъ массъ этого довременнаго, для насъ уже чуждаго и враждебнаго естества, называемаго океаномъ...

Ночью капитанъ вдругъ что-то крикнулъ и, самъ испугавшись своего крика, прозвучавшаго какой-то унизительно-жалобной страстью, тотчасъ-же проснулся. Полежавъ минуту молча, онъ вздохнулъ и сказалъ съ усмѣшкой:

— Да-а, исторія! «Золотое кольцо въ ноздрѣ свиньи — женщина прекрасная!» Трижды правъ ты, Соломонъ Премудрый!

Онъ нашелъ въ темнотѣ папиросницу, закурилъ, но, затянувшись два раза, уронилъ руку — и такъ и заснулъ съ краснымъ огонькомъ папиросы въ рукѣ. И опять стало тихо — только сверкали, качались и съ шумомъ неслись волны мимо борта. Южный Крестъ изъ-за черныхъ тучь...

Но тутъ внезапно оглушаетъ Чанга громовый грохотъ. Чангъ въ ужасѣ вскакиваетъ. Что случилось? Опять ударился, по винѣ пьянаго капитана, пароходъ о подводные камни, какъ это было три года тому назадъ? Опять выстрѣлилъ капитанъ изъ пистолета въ свою прелестную и печальную жену? Нѣтъ, кругомъ не ночь, не море и не зимній полдень на Елисаветинской, а очень свѣтлый, полный шума и дыма ресторанъ: это пьяный капитанъ ударилъ кулакомъ по столу и кричитъ художнику:

— Вздоръ, вздоръ! Золотое кольцо въ ноздрѣ свиньи, вотъ кто твоя женщина! «Коврами я убрала постель мою, разноцвѣтными тканями египетскими: зайдемъ, будемъ упиваться вѣжностью, потому что мужа нѣтъ дома...» А-а, женщина! «Домъ ея ведетъ къ смерти и стези ея — къ мертвецамъ...» Но довольно, довольно, другъ мой. Пора, запираютъ, — идемъ!

И черезъ минуту капитанъ, Чангъ и художникъ уже на темной улицѣ, гдѣ вѣтеръ съ снѣгомъ задуваетъ фонари. Капитанъ обнимаетъ и цѣлуетъ художника, и они расходятся въ разныя стороны. Чангъ, полусонный угрюмый, бочкомъ бѣжитъ по тротуару за быстро идущимъ и шатающимся капитаномъ... Опять прошелъ день, — сонъ или дѣйствительность? — и опять въ мирѣ тьма, холодъ, утомленіе... Нѣтъ, правъ, правъ капитанъ: жизнь — ядовитый и зловонный алкоголь, не болѣе...

Такъ, однообразно, проходятъ дни и ночи Чанга. Какъ вдругъ однажды утромъ миръ, точно пароходъ, съ разбѣгу налетаетъ на скрытый отъ невнимательныхъ глазъ подводный рифъ. Проснувшись въ одно зимнее утро, Чангъ поражается великой тишиной, царящей въ комнатѣ. Онъ быстро вскакиваетъ съ мѣста, кидается къ постели капитана — и видитъ, что капитанъ лежитъ съ судорожно закинутой назадъ головой, съ лицомъ блѣднымъ и застывшимъ, съ рѣсницами полуоткрытыми и недвижными. И увидѣвъ эти рѣсницы, Чангъ издаетъ такой отчаянный вопль, точно его сшибъ съ ногъ и пополамъ перехватилъ мчащійся по бульвару автомобиль...

Потомъ, когда не стоитъ на пятахъ дверь комнаты, когда входятъ, уходятъ и снова приходятъ, громко разговаривая, самые разные люди, — дворники, полицейскіе, художникъ въ цилиндрѣ и всякіе другіе господа, съ которыми сиживалъ капитанъ въ ресторанахъ, — Чангъ какъ бы каменѣетъ... О, какъ страшно говорилъ когда-то капитанъ: «Въ тотъ день задрожать стерегущіе домъ и помрачатся смотрящіе въ окно; и высоты будутъ имъ страшны, и на дорогѣ ужасы: ибо отходить челоуѣкъ въ вѣчный домъ свой, и готовы окружить его плакальщицы; ибо разбился кувшинъ у источника и обрушилось колесо надъ колодеземъ...» Но теперь Чангъ не чувствуетъ даже ужаса. Онъ лежитъ на полу, мордой въ уголь, крѣпко закрывши глаза, чтобы не видѣть міра, чтобы забыть о немъ. И миръ шумитъ надъ нимъ глухо и отдаленно, какъ море надъ тѣмъ, кто все глубже и глубже опускается въ его бездну.

А снова приходитъ онъ въ себя уже на паперти, у дверей костела. Онъ сидитъ возлѣ нихъ съ поникшей головой, тупой,

полумертвый — только весь дрожить мелкой дрожью. И вдруг распахивается дверь костела — и ударяетъ въ глаза и въ сердце Чанга дивная, вся звучащая и поющая картина: передъ Чангомъ полутемный готическій чертогъ, красныя звѣзды огней, цѣлый лѣсъ тропическихъ растеній, высоко вознесенный на черной помошь гробъ изъ дуба, черная толпа народа, двѣ дивныя въ своей мраморной красотѣ и глубокомъ траурѣ женщины, — точно двѣ сестры разныхъ возрастовъ, — а надо всѣмъ этимъ — гуль, громы, клиръ звонко вопіащихъ о какой-то скорбной радости ангеловъ, торжество, смятеніе, величіе — и все собой покрывающія, неземныя пѣснопѣнія. И дыбомъ становится вся шерсть на Чангѣ отъ боли и восторга передъ этимъ звучащимъ видѣніемъ. И художникъ, съ красными глазами вышедшій въ эту минуту изъ костела, въ изумленіи останавливается:

— Чангъ! — тревожно говоритъ онъ, наклоняясь къ Чангу: — Чангъ, что съ тобою?

И коснувшись задрожавшей рукой головы Чанга, наклоняется еще ниже — и глаза ихъ, полныя слезъ, встрѣчаются въ такой любви другъ къ другу, что все существо Чанга беззвучно кричитъ всему міру: ахъ, нѣтъ, нѣтъ — есть на землѣ еще какая-то, мнѣ невѣдомая, третья правда!

Въ этотъ день, возвратясь съ кладбища, Чангъ переселяется въ домъ своего третьяго хозяина — снова на вышку, на чердакъ, но теплый, благоухающій сигарой, устланный коврами, уставленный старинной мебелью, увѣшанный огромными картинами и парчевыми тканями... Темнѣетъ, каминъ полонъ раскаленными, сумрачно-алыми грудями жара, новый хозяинъ Чанга сидитъ въ креслѣ. Онъ, возвратясь домой, даже не снялъ пальто и цилиндра, сѣлъ съ сигарой въ глубокое кресло и курить, смотреть въ сумракъ своей мастерской. А усталый, измученный Чангъ лежитъ на коврѣ возлѣ камина, закрывъ глаза, положивъ морду на лапы. И снится, грезится ему:

Кто-то лежитъ теперь тамъ, за темнѣющимъ городомъ, за оградой кладбища, въ томъ, что называется склепомъ, могилой. Но этотъ кто-то не капитанъ, нѣтъ. Если Чангъ любитъ и чувствуетъ капитана, видитъ его взоромъ памяти, — того боже-

ственнаго, что онъ самъ не понимаетъ въ себѣ, — значить, еще съ нимъ капитанъ: въ томъ безначальномъ и безконечномъ мірѣ, что не доступенъ Смерти. Въ мірѣ этомъ должна быть только одна правда, — третья, — а какая она — про то знаетъ тотъ послѣдній Хозяинъ, къ которому уже скоро долженъ возвратиться Чангъ.

ИВ. БУНИНЪ.

